УДК 343.14
DOI: https://doi.org/10.18323/3034-2945-2026-2-65-4

Кибернетический подход к пониманию уголовно-процессуальных доказательств: пределы и перспективы применимости

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации,
главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Институт государства и права РАН, Москва, Россия

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3862-3188

Поступила в редакцию 12.05.2026 *Пересмотрена 08.06.2026* *Принята к публикации 09.06.2026*

Аннотация: В статье рассмотрен так называемый кибернетический (информационный) к пониманию уголовно-процессуальных доказательств, который в 2001 г. был официально признан законодателем и стал доктринальной основой современного доказательственного права. Выявлены причины возникновения и постепенного возобладания кибернетического подхода к пониманию доказательств – они видятся в бытовавшем в 1960-е–1970-е гг. поголовном увлечении советского общества кибернетикой как наукой о закономерностях, способах, средствах и технологиях получения, сохранения, трансформации и передачи информации. Выдвинута гипотеза об детерминированности подобных взглядов на доказательства стремлениями ряда ученых-процессуалистов к соответствию модным трендам, их желанием не отставать от передовых разработок технической направленности. Одновременно проанализировано значение кибернетического подхода для развития теоретических основ уголовно-процессуального доказывания. Прежде всего, оно связывается с резким возрастанием внимания ученых к проблемам собирания доказательств: производства следственных и судебных действий, назначения и проведения судебных экспертиз и т. д. Отмечены и проявившиеся со временем недостатки кибернетического подхода. Таковые усматриваются в сведении всего доказывания не более чем к информационному процессу, в обесценивании роли логической фазы доказывания, потенциала косвенных доказательств и т. д. В этой связи ставится вопрос о перспективах сохранения кибернетического подхода как доктринальной основы доказательственного права. Данные идеи, с одной стороны, хорошо применимы к когнитивной (познавательной) фазе доказывания, но, с другой – не подлежат использованию в качестве универсальных, не сочетаются с удостоверительной (фиксационной) и логической фазами доказывания. В результате сформулирован вывод о необходимости одновременного использования нескольких различных подходов к пониманию доказательств: кибернетического, прагматического и формально-логического – в зависимости роли доказательств, свойственной той или иной фазе доказывания.

Ключевые слова: дефиниция доказательств; доказательства; использование доказательств; следственные действия; следы преступления; собирание доказательств; уголовно-процессуальное доказывание; уголовно-процессуальное познание; кибернетический подход; фазы доказывания; когнитивная фаза; неосинтетический подход

Для цитирования: Россинский С.Б. Кибернетический подход к пониманию уголовно-процессуальных доказательств: пределы и перспективы применимости // Jus strictum. 2026. № 2. С. 35–42. DOI: https://doi.org/10.18323/3034-2945-2026-2-65-4.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы уголовно-процессуального доказывания – важной юридической миссии органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, а в определенном смысле и некоторых других участников досудебного и судебного производства, направленной на установление значимых для уголовного дела обстоятельств, на обоснование соответствующих правовых позиций и, в конечном счете, на мотивировку приговоров либо прочих правоприменительных актов, – всегда характеризовались и продолжают характеризоваться множеством никак не подлежащих разрешению доктринальных, нормативных, практических проблем и шероховатостей, побуждали и продолжают побуждать к целому ряду споров, дискуссий и полемических обсуждений. И в этом нет ничего странного! Ведь доказывание, будучи «высшей математикой уголовного процесса», сильно отличается от большинства других, к слову, достаточно примитивных, сугубо «ремесленных», компонентов уголовно-процессуальной деятельности. С одной стороны, оно пронизывает подавляющую массу присущих такой деятельности правоотношений – именно потребностями в установлении обстоятельств случившегося и аргументации соответствующих позиций обусловлены все, по крайней мере практически все, полномочия и правомочия, формы и методы поведения участвующих в уголовном процессе лиц. В связи с чем о доказывании нередко говорилось как о некоем стержне, о некоей сердцевине уголовного судопроизводства[1] или даже более экспрессивно – как о душе́ процесса[2].

С другой стороны, лежащие в основе доказывания способности разумных людей (homo sapiens) к позна-

© Россинский С.Б., 2026

[1] *См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 41; Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 2010. С. 122 и др.*

[2] *См.: Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015. С. 12.*

нию реальности, в том числе обстоятельств прошлого, и логическому мышлению даны человечеству «свыше». Они имеют никоим образом не зависящее от социальных норм и легально установленных юридических правил природное происхождение – предопределяются естественно-научными закономерностями осуществления индивидами так называемых высших психических функций. К тому же, на негодящий день подобные закономерности все еще остаются слабоизученными и преимущественно неразгаданными – как отмечается в естественно-научных публикациях, главным образом в работах психологической и психофизиологической направленности, судить о подлинной природе трансформации результатов работы сенсорной системы (пяти известных органов чувств) в субъективные мысленные образы, оценивать степень адекватности подобной когниции можно лишь гипотетически, в сугубо предположительной форме[3]. Иначе говоря, механизмы доказывания в принципе являются не вполне предрасположенными к должной юридической формализации, к регламентации посредством «искусственных» положений позитивного права, предопределяемых множеством социальных факторов и нередко разрабатываемых в условиях нормотворческих компромиссов.

В этой связи доктринальные взгляды на доказывание, соответствующие положения уголовно-процессуального законодательства и основанные на них прикладные технологии уже изначально обречены на небезупречность, противоречивость, склонность к определенным недостаткам [1, с. 229; 2, с. 90]. А на сегодняшний день ввиду неопределенности общего вектора развития российской уголовной юстиции, отсутствия единообразных и выверенных доктринальных позиций, постоянных и достаточно импульсивных правотворческих метаний из стороны в сторону проблемы теории, нормативного регулирования и практики досудебного и судебного доказывания по уголовному делу стали еще острее и актуальнее.

В частности, определенные недостатки, сложности, противоречия и дискуссии присущи пониманию доказательств как основных, наиболее важных, во всяком случае самых известных и «раскрученных» средств уголовно-процессуального доказывания. Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Цель исследования – выявление причин, предопределивших возникновение, распространение и официальное признание законодателем кибернетического (информационного) подхода к пониманию доказательств, в распознании его значения для развития теоретических основ уголовно-процессуального доказывания, в диагностике присущих ему недостатков и в определении перспектив его использования в качестве доктринальной основы доказательственного права.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Более или менее успешному решению поставленных автором настоящей статьи научных задач поспособствовал диалектический метод познания, сводящийся к выявлению и осмыслению закономерностей и тенденций возникновения и развития попавших в предмет исследования проблем. Кроме того, использовались методы описания, сравнения, системного анализа, а также известные формально-логические методы: анализ, синтез, аналогия, дедукция, абдукция, индукция и т. д. – с их помощью были выявлены и распознаны наиболее общие, главным образом социально обусловленные, причины, повлиявшие на возникновение и законодательную легализацию кибернетического подхода к пониманию уголовно-процессуальных доказательств. Они же помогли определить общий вектор дальнейших доктринальных изысканий в части затронутых в статье вопросов.

В качестве специальных методов научного исследования использовались формально-юридический, историко-правовой, социолого-правовой и прочие методы – с их помощью были диагностированы конкретные преимущества и недостатки кибернетического подхода к пониманию доказательств, сформулированы предложения, направленные на устранение некоторых изъянов современного доказательственного права, на преодоление обусловленных ими практических трудностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сущность кибернетического подхода к пониманию уголовно-процессуальных доказательств

Вообще, история развития доктринальных и законодательных преставлений о средствах доказывания начитывает не один десяток лет. Поэтому определенные взгляды на доказательства можно встретить и дореволюционных, в том числе дореформенных», то есть предшествующих Великой судебной реформе 1860-х гг., и в раннесоветских, и в позднесоветских публикациях уголовно-процессуальной направленности. Их авторы придерживались самых разнообразных доктринальных подходов. Например, в «царский» период был распространен так называемый формально-логический подход (Я.И. Баршев, А.С. Жиряев, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий и пр.) – доказательствами признавались логические доводы и аргументы, то есть не более чем апостериорные основания для убежденности суда в существовании либо отсутствии каких-либо обстоятельств. Некоторые другие дореволюционные авторы (Л.Е. Владимиров, М.В. Духовской и пр.) исповедовали принципиально иной, к слову, гораздо более утилитарный фактологический подход – доказательствами предлагалось считать подлежащие использованию для нужд уголовной юстиции факты. Позднее этот же подход был усвоен и развит в раннесоветских публикациях (В.И. Громов, А.Я. Вышинский, М.А. Чельцов и пр.). В результате неизбежной эволюции подобных взглядов постепенно возник дуалистический подход (П.И. Люблинский, М.С. Строгович и пр.) – под доказательствами стали пониматься и сами факты, и их допустимые источники. Несколько позднее в доктрине широко распространился так называемый лиминальный подход (Р.С. Белкин, С.А. Голунский, Ц.М. Каз, П.С. Элькинд и пр.) – доказательствами было предложено считать не столько факты, сколько предрасположенные к восприятию данные

[3] *См.: Лурия А.Р. Мозг и психические процессы. В двух томах. Том 1. Нейропсихологические исследования. М., 1963. С. 87–90; Hassett J.A Primer of Psychophysiology Ames. San Francisco, 1978. С. 118; Neisser U. Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology. San Francisco, 1976. С. 47 и др.*

об этих фактах (фактические данные). А некоторые ученые (В.Д. Арсеньев, Ф.Н. Фаткуллин и пр.) вообще стали придерживаться комплексного, синтетического подхода – одновременно понимать под доказательствами и факты, и фактические данные, и их источники. В самом конце XX в. ввиду вызванной известными причинами подверженности уголовно-процессуальной науки «демократическим» веяниям и западным ценностям возник еще один, заимствованный из англосаксонской доктрины прагматичный подход (А.С. Александров, Ю.А. Ляхов, С.А. Пашин и пр.) – доказательствами стали считаться введенные в уголовный процесс посредством установленных законом процедур «судоговорения» предметы, документы и устные сведения.

Однако наибольшую славу все же снискал возникший в конце 1960-х–начале 1970-х гг. так называемый кибернетический (информационный) подход к пониманию уголовно-процессуальных доказательств. По меткому замечанию Ю.К. Орлова, он зародился в самый разгар «кибернетического бума» – на общем фоне поголовного увлечения советского общества кибернетикой, то есть наукой о закономерностях, способах, средствах и технологиях получения, сохранения, трансформации и передачи информации [3, с. 61]. Поэтому думается, что в значительной степени появлению кибернетического подхода к пониманию доказательств, по всей вероятности, поспособствовали стремления самых «прогрессивных» на том момент ученых-процессуалистов соответствовать модным трендам, не в меру усердные старания юристов не отставать от своих коллег-технарей. Кстати, в подобных предположениях четко усматривается явная аналогия с наблюдаемой на сегодняшний день популярностью научных изысканий в области цифровизации уголовного судопроизводства. Ведь многие современные авторы, в том числе достаточно слабо понимающие в «компьютерном ремесле», тоже пытаются соответствовать модным трендам и предпринимают немалые усилия для поиска и обнаружения любых, пусть даже мнимых точек соприкосновения уголовной юстиции с плодами цифровизации, высказывают все новые и новые, в частности весьма сомнительные и фантасмагоричные, идеи, направленные на внедрение цифровых технологий в механизмы досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Является ли приведенное сравнение достаточно точным? Допустимо ли утверждать об определенном тождестве нынешних тенденций развития уголовно-процессуальной науки с существовавшими шестьдесят лет назад предпосылками возникновения кибернетического пониманию доказательств? Или подобные параллели все-таки не совсем уместны? К сожалению, ввиду отсутствия более подробных и достоверных сведений о причинах, некогда побудивших советских ученых-процессуалистов к разработке кибернетического подхода, ответить на данный вопрос достаточно сложно. Однако для целей настоящей статьи решение этой дилеммы представляется не столь важным. Гораздо важнее другое – четкое осознание неслучайности кибернетически ориентированных взглядов на средства доказывания по уголовному делу, однозначная оценка таких доктринальных позиций как закономерных продуктов своего времени, как результатов всеобщей увлеченности проблемами получения, сохранения, трансформации и передачи информации.

В принципе кибернетический подход чем-то напоминает более ранние научные представления о доказательствах. И прежде всего, такое сходство усматривается в его сравнении с лиминальным подходом, предполагающим формулу «доказательства – это фактические данные» – опосредованно на данное обстоятельство обращается внимание в целом ряде публикаций [4, с. 201–202; 5, с. 99–100 и др.]. Ведь кибернетический подход тоже сводится к пониманию доказательств как неких способствующих установлению случившегося полезных сведений (в более ранних научных источниках – все тех же фактических данных). Вместе с тем указанным сведениям (фактическим данным) придается совершенно другой смысл! Таковыми считаются не столько мысленные воплощения объективных фактов в сознании субъектов доказывания, сколько поступающие извне и предрасположенные к восприятию информационные сигналы! Одновременно подразумевается, что подобные сигналы (сведения) передаются «естественным» путем в виде визуальных (реже – аудиальных, тактильных и прочих) образов либо посредством условных звуков и символов, а затем перципируются, то есть улавливаются субъектами доказывания в ходе взаимодействия с соответствующими материальными или идеальными «следами преступления» (следами в широком смысле), то есть фрагментами окружающей обстановки или памяти людей, отражающими подлежащие выявлению факты. И наконец, предполагается неразрывное единство таких сигналов с их внешними формами, то есть прямо предусмотренными законом, приобщаемыми к материалам уголовного, а в дальнейшем используемыми для нужд уголовной юстиции информационными активами: показаниями, вещественными доказательствами, документами и т. д.

Отцом-основателем кибернетического подхода к пониманию доказательств по праву считается профессор В.Я. Дорохов – крупный советский ученый-процессуалист, руководитель «профильной» кафедры Высшей школы КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Первые попытки обоснования такого подхода были предприняты автором еще в начале 1960-х гг. С одной стороны, ученый присоединился к уже широко распространенным в научном сообществе скептическим оценкам фактологического подхода (читай, формулы «доказательства – это факты»). Он в очередной раз заявил о недопустимости отождествления доказательств с объективно существующими либо существовавшими в прошлом событиями, явлениями, предметами или действиями отдельных лиц, вследствие чего указал на возможность когнитивного проникновения в мыслительную сферу субъектов доказывания не столько самих фактов, сколько отражающих их сведений (фактических данных), подлежащих преобразованию в соответствующие идеальные (мысленные) образы. Вместе с тем, с другой стороны, возникновение любых подобных сведений В.Я. Дорохов прочно увязал с известными, в том числе «взятыми на вооружение» В.И. Лениным[4] философскими

[4] *См.: Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики / главный ред. Т. Павлов. В двух томах Т. 1. София, 1973. С. 15.*

идеями о способности материи к отражению – об отражении как о фундаментальном и непреложном свойстве материи. Иначе говоря, ученый посчитал такие сведения плодами отражения имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и фактов, формами воплощения данных сведений – материальные либо идеальные «следы преступления» (следы в широком смысле), а средствами их передачи потенциальным адресатам, то есть субъектам доказывания – те самые, предрасположенные к улавливанию органами чувств информационные сигналы [6, с. 110–111].

Немного позднее взысканные автором мысли были интенсифицированы, дополнены, отшлифованы, подкреплены целым рядом дополнительных доводов и аргументов – итоги всех проведенных в данном направлении научных изысканий, были включены в содержание опубликованной в 1967–1868 гг. и переизданной с учетом ряда поправок в 1973 г., коллективной работы «Теория доказательств в советском уголовном процессе» – фундаментального, известного каждому ученому-процессуалисту двухтомника (в переизданной вариации – однотомника), ставшего настольной книгой, своеобразной научной Библией для нескольких поколений интересующихся проблематикой доказывания специалистов[5]. А в дальнейшем кибернетический подход к пониманию доказательств был поддержан и развит в публикациях Л.М. Карнеевой, С.А. Шейфера, А.А. Хмырова, Д.Л. Кокорева, Н.П. Кузнецова и многих других ученых, заявивших о себе в 1970–1990-е гг.

Значение кибернетического подхода к пониманию уголовно-процессуальных доказательств

Большое значение кибернетического подхода к пониманию доказательств для уголовного судопроизводства, в том числе дознавательской, следственной, прокурорской, адвокатской и судебной практики должно представляться очевидным любому погруженному в данные вопросы ученому. Нет никаких сомнений, что эти идеи существенно повлияли на теорию уголовного процесса и уголовно-процессуальное законодательство в целом, на доктринальные и правовые основы досудебного и судебного доказывания в частности.

Прежде всего, такой подход, будучи попыткой воплощения в правовую материю кибернетических разработок в области получения, сохранения, трансформации и передачи информации, стал побудительным импульсом к возрастанию внимания ученых-процессуалистов (не криминалистов, а именно процессуалистов!) к когнитивным (когнитивно-удостоверительным) приемам работы органов предварительного расследования, прокуратуры и суда – его постепенное укоренение в качестве методологической основы доказывания привело к возникновению потребностей в проведении ряда научных изысканий, касающихся сущности и механизмов собирания доказательств. Так, в 1970-х гг. благодаря усилиям С.А. Шейфера появилась знаменитая теория следственных действий как основных процессуальных способов накопления полезных для установления обстоятельств случившегося сведений с их одновременным преобразованием в пригодные (допустимые) к использованию для нужд уголовной юстиции средства доказывания. Другими словами, «шейферовское» учение стало «плотью от плоти» кибернетического подхода к пониманию доказательств. Примерно в это же самое время начало уделяться внимание вопросам судебной экспертизы как специфического процессуально-когнитивного приема, места и роли заключения эксперта в общей системе средств доказывания. Несколько позднее, появились публикации, посвященные особенностям собирания доказательств в судебном заседании и т. д.

В результате кибернетический подход постепенно перестал восприниматься научной общественностью как нечто необычное, диковинное, побуждающее к настороженности. Напротив, в последние годы XX в., то есть по прошествии трех десятилетий с момента появления первых кибернетически ориентированных взглядов на доказательства многие ученые-процессуалисты уже начали относиться к формуле «доказательства – это сведения, получаемые посредством информационных сигналов» как к чему-то достаточно очевидному, само собой разумеющемуся. А поскольку данный период как раз совпал со временем разработки действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс), неудивительно, что именно информационному подходу было суждено удостоиться официального признания «коллективного законодателя» стать доктринальной основой постсоветского доказательственного права [7, с. 25].

Так, в соответствии со ст. 74 УПК РФ под доказательствами, с одной стороны, надлежит понимать любые полезные сведения, способствующие должностным лицам органов предварительного расследования, прокуратуры либо суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, тогда как с другой – воплощающие подобные сведения, но при этом прямо предусмотренные законом, в связи с чем допустимые к введению в уголовное судопроизводство в качестве юридически полноценных средств доказывания и дальнейшему использованию для нужд уголовной юстиции информационные активы, некие информационные «матрицы» [8, с. 25]: различные вариации показаний, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий, алиусные (иные) документы. Отражения кибернетического подхода можно обнаружить и в целом ряде других положений современного доказательственного права, например, в предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной структуре доказывания, сводящейся к сугубо информационному алгоритму «собирание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств» (читай, «собирание сведений → проверка сведений → оценка сведений»). Этот же подход оказал существенное влияние на общие и частные правила производства следственных и судебных действий, назначения и производства судебных экспертиз, на форму и содержание обвинительных заключений (актов, постановлений), приговоров, прочих уголовно-процессуальных актов и т. д.

Причем данные законодательные конструкции, в первую очередь обе части ст. 74 УПК РФ, были поддержаны в большинстве научных публикаций – многие

[5] *См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. В двух частях. Часть общая / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1966. С. 227–267; Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., перер. и доп. / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 197–228.*

ученые процессуалисты посчитали положения современного доказательственного права более удачными по сравнению существовавшими в прошлом нормативными представлениями о средствах доказывания [9, с. 23; 10, с. 90–91 и т. п.]. Например, С.А. Шейфер в своих последних работах постоянно писал об очевидных достоинствах современной дефиниции доказательств, настаивал на ее безусловной выигрышности перед содержанием ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. и аналогичных статей других союзно-республиканских уголовно-процессуальных кодексов [11, с. 56 и др.]. П.А. Лупинская оценивала внедренный в Кодекс подход к пониманию доказательств как наиболее приемлемый для решения практических задач [12, с. 6] и т. д.

Недостатки кибернетического подхода к пониманию уголовно-процессуальных доказательств

Однако в реальности кибернетический подход к пониманию доказательств оказался не настолько «чистым» и безукоризненным, каким, по всей видимости, представлялся многим радеющим за него ученым-процессуалистам. Со временем в некогда разработанной В.Я. Дороховым и его последователями научной концепции и обусловленных ей положениях ныне действующего Кодекса стали усматриваться весьма серьезные методологические пробелы и недостатки. А наиболее существенным изъян данного подхода закономерно выразился в сведении всего доказывания не более чем к информационному процессу [3, с. 62] – к совокупности тех самых, сугубо кибернетических компонентов работы с информацией: ее собирания, верификации (проверки) и оценки на предмет пригодности к использованию по назначению (не самого использования, а именно оценки на предмет возможности использования!).

Другими словами, адепты кибернетического подхода к пониманию доказательств, а вслед за ними и авторы-разработчики соответствующих норм УПК РФ фактически потеряли из виду, оставили «за скобками» логическую фазу доказывания, а именно: 1) умственную деятельность дознавателя, следователя, прокурора, судьи, направленную на обоснование и мотивировку приговора либо иного правоприменительного акта; 2) совокупность устных и письменных риторических приемов, способствующих государственному обвинителю, защитнику, подозреваемому, обвиняемому (подсудимому), потерпевшему, другому правомочному участнику уголовного судопроизводства пытаться влиять на характер и содержание подлежащего принятию процессуального решения, аргументированно убеждать дознавателя, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и, в особенности, суд в верности отстаиваемой позиции, в ошибочности позиции «оппонента». И в этой связи взгляды отдельных авторов, вроде бы усматривающих в положениях современного доказательственного права намеки на использование доказательств в качестве средств обоснования реальности или мнимости подлежащих установлению обстоятельств [13, с. 150], представляются ошибочными, во-многим обусловленными стремлениями выдать желаемое за действительное.

В этой же связи позитивные оценки положений современного доказательственного права, прежде всего содержания ст. 74 УПК РФ присущи далеко не всем научным публикациям. Например, А.С. Барабаш расценил ч. 1 данной статьи как полностью обесценивающую потенциал косвенных доказательств – познавательных ресурсов, предрасположенных не столько к непосредственному познанию, сколько к умственной реконструкции подлежащих установлению обстоятельств посредством логических выводов, основанных на совокупном сопоставлении всех имеющихся сведений [14, с. 182]. Достаточно близкую позицию занял Е.А. Доля. Одновременно автор высказался за скорейшую реставрацию прямо вытекающих из смысла советского уголовно-процессуального закона возможностей использования доказательств не только как средств установления определенных обстоятельств, но и как ресурсов, способствующих аргументации правоприменительных решений, прежде всего приговоров [15, с. 73]. В некоторых публикациях просто заявляется о непродуманности ст. 74 УПК РФ [16, с. 97], о противоречивости, хаотичности и «разбалансированности» ее содержания, в первую очередь об одновременном признании доказательствами и самих предрасположенных к познанию обстоятельств произошедшего сведений, и воплощающих такие сведения информационных активов, что не без оснований расценивается как ошибка в соотношении формы и содержания [17, с. 108–109; 18, с. 172–173].

Ввиду указанных проблем и противоречий современные ученые начали постепенно отказываться от безусловной поддержки кибернетического подхода, стали высказывать новые идеи о сущности и гносеологической природе уголовно-процессуальных доказательств, об их месте в общей системе уголовно-процессуального регулирования. В частности, В.С. Балакшин разработал комплексный подход к пониманию доказательств – предложил понимать под ними сразу несколько достаточно разноплановых атрибутов уголовного судопроизводства: а) любые способствующие познанию обстоятельств случившегося фактические данные; б) источники таких данных; в) допустимые способы их собирания, закрепления и проверки органами предварительного расследования и судом – все эти атрибуты автор счел возможным объединить в сложную знаково-информационную систему [19, с. 124–125]. В современных публикациях встречаются и прочие подходы к пониманию доказательств.

Однако наиболее интересной и вполне приемлемой для использования в уголовно-процессуальном правотворчестве и правоприменительной практике все же видится точка зрения, изложенная в работах В.А. Лазаревой. Она рекомендует рассматривать доказательства в нескольких значениях, фактически привязывая каждое из них к определенной фазе (в терминологии автора – к определенному аспекту) доказывания. Так, в информационном аспекте доказательствами предлагается считать полезные для нужд уголовной юстиции и оказавшиеся в распоряжении субъектов доказывания сведения, в формально-процессуальном аспекте – прямо предусмотренные Кодексом воплощения данных сведений (показания, вещественные доказательства и т. д.), и, наконец, в логическом и аксиологическом аспектах – аргументационные ресурсы, подлежащие использованию для обоснования приговоров [20,

с. 171]. Конечно, полностью поддержать высказанные В.А. Лазаревой идеи все же достаточно сложно – некоторые их них видятся спорными. Например, таковым является тезис, подразумевающий дополнение логической фазы доказывания еще одним – аксиологическим компонентом. Еще более странным кажется увязывание аргументационной роли доказательств исключительно с обоснованием обвинительных приговоров. Предложенная концепция явно не свободна от многозначности употребляемых терминов и т. д. Однако в целом взгляды В.А. Лазаревой представляются совершенно справедливыми – ввиду отрицания единого, универсального, применимого ко всем фазам доказывания как бы монопонимания доказательств. Другими словами, в ее публикациях фактически усматривается призыв к некому неосинтетическому подходу, то есть к одновременному использованию нескольких различных подходов к пониманию доказательств – в зависимости роли доказательств, свойственной либо когнитивной (познавательной), либо удостоверительной (фиксационной), либо логической фазам доказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Кибернетический подход к пониманию доказательств вполне приемлем для использования в качестве доктринальной основы целого ряда положений доказательственного права, а также их практического воплощения в повседневной работе должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, прокуроров, адвокатов, судей, прочих участников уголовного судопроизводства. В первую очередь, такой подход как нельзя лучше применим к когнитивной (познавательной) фазе работы субъектов доказывания, предполагающей перцепцию материальных либо идеальных «следов преступления» (следов в широком смысле), то есть фрагментов окружающей обстановки либо памяти людей.

2. Отраженные в положениях действующего Кодекса взгляды, подразумевающие исключительность кибернетического подхода к пониманию доказательств, его универсальную применимость ко всем фазам доказывания, представляются явно не соответствующими, ни естественно-научным закономерностями осуществления индивидами высших психических функций в целом, ни потребностям уголовной юстиции в частности. Будучи хорошо применимым к когнитивной (познавательной) фазе, кибернетический подход не предполагает гармоничной сочетаемости с другими фазами доказывания: удостоверительной (фиксационной) и логической – для них объективно требуются иные подходы к пониманию доказательств. Так, удостоверительная (фиксационная) фаза доказывания достаточно хорошо согласуется с появившимся в конце XX в., прагматичным подходом, если, конечно, видеть в нем не столько клон англосаксонского доказательственного права, сколько совокупность доктринальных позиций о надлежащих способах собирания доказательств. В свою очередь логическая фаза доказывания прекрасно сочетается с формально-логическим подходом – с исповедуемыми многими дореволюционными учеными-процессуалистами идеями о доказательствах как о логических аргументах, доводах, силлогистических посылках, то есть основаниях для убежденности субъектов-правоприменителей, в том числе судей, в подлинности либо мнимости каких-либо подлежащих установлению обстоятельств.

3. Под доказательствами в уголовном процессе надлежит понимать некие требуемые для нужд уголовной юстиции информационные активы, которые:

– будучи предрасположенными к улавливанию субъектами доказывания сигналами, поступающими из окружающей обстановки либо от людей, в связи с чем несущими сведения о материальных либо идеальных следах в широком смысле (кибернетический подход),

– подлежат накоплению, то есть собиранию в установленном законом порядке и приобщению к материалам уголовного дела в качестве юридически пригодных для решения стоящих перед доказыванием задач информационных продуктов (прагматичный подход),

– а затем подлежат использованию в качестве аргументационных ресурсов – логических аргументов, доводов, силлогистических посылок, позволяющих дознавателям, следователям, прокурорам, судьям обосновывать и мотивировать различные правоприменительные решения, в том числе с помощью умственной реконструкции ряда подлежащих установлению обстоятельств, а государственным обвинителям, защитникам, обвиняемым, потерпевшим, другим правомочным субъектам – пытаться влиять на характер и содержание таких решений посредством устных и письменных риторических приемов (формально-логический подход).

Именно такой неосинтетический, а не сугубо кибернетический подход к пониманию уголовно-процессуальных доказательств видится наиболее приемлемым для дальнейших доктринальных изысканий. Именно он представляется наиболее разумным для использования в дальнейшем правотворчестве (в целях совершенствования соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства) и правоприменительной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков М.П. Доказательства и цифропись в уголовном процессе: ожидание волшебства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1. С. 229–231. EDN: AUPXKT.
2. Лазарева В.А. Доказывание судебное и досудебное // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 1. С. 89–94. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-89-94.
3. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 174 с. EDN: QQWRXF.
4. Баев О.Я. Атрибутивные признаки и качество уголовно-процессуального доказательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 190–206. EDN: TFNAJD.
5. Корнакова С.В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex russica (русский закон). 2023. № 1. С. 98–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.098-109.
6. Дорохов В.Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.
7. Боруленков Ю.П. Теория доказательств и доказывания: о содержании процессуальных доказа-

тельств // Российский следователь. 2019. № 2. С. 23–29. EDN: YWCXMD.
8. Головко Л.В. Методология доказывания в уголовном процессе: статический эффект в динамической перспективе // Закон. 2025. № 2. С. 20–32. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-2-20-32.
9. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Казань: Таглимат, 2006. 256 с. EDN: QXKEZB.
10. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. 173 с. EDN: QQSRQB.
11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с.
12. Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
13. Корнакова С.В. Познание и доказывание в уголовном судопроизводстве: проблемы соотношения понятий // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 3. С. 243–253. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253.
14. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр, 2005. 254 с. EDN: SMQHUB.
15. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2014. 373 с.
16. Победкин А.В. Доказывание как основная гарантия обеспечения законности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 95–101. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-6-95-101.
17. Костенко Р.В. Содержание и форма уголовно-процессуальных доказательств // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 4. С. 105–114. EDN: JYJKYN.
18. Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб.: Юридический центр, 2015. 439 с.
19. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Уральский политехнический институт, 2004. 298 с.
20. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2014. 359 с. EDN: TYPCLN.

REFERENCES

1. Polyakov M.P. Proofs and figures in criminal proceedings: waiting for magic. *Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 229–231. EDN: AUPXKT.
2. Lazareva V.A. Evidence – trial and pre-trial. *Juridical Journal of Samara University*, 2021, no. 1, pp. 89–94. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-89-94.
3. Orlov Yu.K. *Problemy teorii dokazatelstv v ugolovnom protsesse* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Procedure]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 174 p. EDN: QQWRXF.
4. Baev O.Ya. Attributive signs and quality of criminal procedure proof. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2014, no. 4, pp. 190–206. EDN: TFNAJD.
5. Kornakova S.V. Evidence and proof in criminal proceedings: problems of understanding their nature. *Lex russica (Russian Law)*, 2023, no. 1, pp. 98–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.098-109.
6. Dorokhov V.Ya. The Concept of Evidence in Soviet Criminal Procedure. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1964, no. 9, pp. 108–117.
7. Borulenkov Yu.P. The theory of evidence and proving: on the content of procedural evidence. *Russian Investigator*, 2019, no. 2, pp. 23–29. EDN: YWCXMD.
8. Golovko L.V. Methodology of collecting the evidence in criminal procedure: static effect in dynamic perspective. *Zakon*, 2025, no. 2, pp. 20–32. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-2-20-32.
9. Bykov V.M., Berezina L.V. *Dokazyvanie v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela* [Proof at the Initiation Stage of a Criminal Case]. Kazan, Taglimat Publ., 2006. 256 p. EDN: QXKEZB.
10. Ulyanova L.T. *Predmet dokazyvaniya i dokazatelstva v ugolovnom protsesse Rossii* [Subject of Proof and Evidence in Criminal Procedure in Russia]. Moscow, Gorodets Publ., 2008. 173 p. EDN: QQSRQB.
11. Sheyfer S.A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 238 p.
12. Lupinskaya P.A. Evidence and Proof in the New Criminal Procedure. *Russian Justice*, 2002, no. 7, pp. 5–8.
13. Kornakova S.V. Cognition and proof in criminal proceedings: problems of the correlation of concepts. *Russian Journal of criminology*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 243–253. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(3).243-253.
14. Barabash A.S. *Priroda rossiyskogo ugolovnogo protsessa, tseli ugolovno-protsessualnoy deyatelnosti i ikh ustanovlenie* [The Nature of Russian Criminal Procedure, the Goals of Criminal-Procedural Activity and Their Establishment]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Publ., 2005. 254 p. EDN: SMQHUB.
15. Dolya E.A. *Formirovanie dokazatelstv na osnove rezultatov operativno-rozysknoy deyatelnosti* [Formation of Evidence Based on the Results of Operational-Investigative Activity]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 373 p.
16. Pobedkin A.V. Evidence as the main guarantee of ensuring legality in criminal proceedings. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 6, pp. 95–101. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-6-95-101.
17. Kostenko R.V. Content and Form of Criminal-Procedural Evidence. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2005, no. 4, pp. 105–114. EDN: JYJKYN.
18. Zazhitskiy V.I. *Dokazyvanie i dokazatelstva po UPK RF: teoretiko-pravovoy analiz* [Evidence and Proof under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Publ., 2015. 439 p.
19. Balakshin V.S. *Dokazatelstva v teorii i praktike ugolovno-protsessualnogo dokazyvaniya* [Evidence in the Theory and Practice of Criminal Procedural Proof]. Ekaterinburg, Uralskiy politekhnicheskiy institut Publ., 2004. 298 p.
20. Lazareva V.A. *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse* [Proof in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 359 p. EDN: TYPCLN.

UDC 343.14
DOI: https://doi.org/10.18323/3034-2945-2026-2-65-4

The cybernetic approach to understanding criminal procedural evidence: limits and prospects of applicability

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation,
Chief Researcher of Sector of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminology
Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russia

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3862-3188

Received 12.05.2026 *Revised 08.06.2026* *Accepted 09.06.2026*

Abstract: The paper considers the so-called cybernetic (informational) approach to understanding criminal procedural evidence, which was officially recognised by the legislator in 2001 and became the doctrinal foundation of modern evidence law. The reasons for the emergence and gradual predominance of the cybernetic approach to understanding evidence are identified. They are seen in the widespread fascination of Soviet society in the 1960s–1970s with cybernetics as a science of patterns, methods, means, and technologies of obtaining, storing, transforming, and transmitting information. A hypothesis is put forward that such views on evidence were determined by the aspirations of a number of procedural law scholars to conform to fashionable trends and their desire not to lag behind advanced technical developments. At the same time, the significance of the cybernetic approach for the development of the theoretical foundations of criminal procedural proof is analysed. First, it is associated with a sharp increase in scholarly attention to the problems of gathering evidence: the conduct of investigative and judicial actions, the commissioning and conduct of forensic examinations, etc. The shortcomings of the cybernetic approach that have emerged over time are also noted. These are seen in the reduction of the entire process of proof to nothing more than an informational process, in the devaluation of the role of the logical phase of proof, of the potential of circumstantial evidence, etc. In this regard, the question is raised about the prospects for preserving the cybernetic approach as the doctrinal foundation of evidence law. These ideas, on the one hand, are well applicable to the cognitive (epistemic) phase of proof, but, on the other hand, are not subject to use as universal ones and are not compatible with the evidentiary (recording) and logical phases of proof. As a result, a conclusion is formulated regarding the necessity of the simultaneous use of several different approaches to understanding evidence: cybernetic, pragmatic, and formal-logical – depending on the role of evidence characteristic of a particular phase of proof.

Keywords: definition of evidence; evidence; use of evidence; investigative actions; traces of crime; gathering of evidence; criminal procedural proof; criminal procedural cognition; cybernetic approach; phases of proof; cognitive phase; neo-synthetic approach

Для цитирования: Rossinsky S.B. The cybernetic approach to understanding criminal procedural evidence: limits and prospects of applicability // Jus strictum. 2026, № 2, pp. 35–42. DOI: https://doi.org/10.18323/3034-2945-2026-2-65-4.